

Бухаров А. С.

Онтосоциология
Введение

Второе,
исправленное издание

Бухаров А. С.

**Онтосоциология. Введение.
Второе, исправленное издание**

«Издательские решения»

Бухаров А. С.

Онтосоциология. Введение. Второе, исправленное издание /
Бухаров А. С. — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-532740-6

В книге рассматриваются фундаментальные проблемы методологии построения общей социальной теории. Предлагаемый подход к их решению основан на развитии представлений о деятельности как универсально-генетическом природно-антропогенном процессе связи людей.

ISBN 978-5-00-532740-6

© Бухаров А. С.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие ко второму изданию	6
Введение	7
Глава 1	9
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Онтосоциология. Введение Второе, исправленное издание

Бухаров А. С.

© Бухаров А. С., 2021

ISBN 978-5-0053-2740-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие ко второму изданию

Впервые эта книга была опубликована ограниченным тиражом в 2004 году. Второе, исправленное издание призвано облегчить доступ к тексту публикации для всех желающих с ним ознакомиться. Основные положения работы представляют собой развитие идей, изложенных в предыдущей книге автора, изданной в 2002 году.¹

Второе, исправленное издание:

URL:

[https://ridero.ru/books/
koncepcii_deyatelnosti_v_sociologii_k_marksa_i_m_vebera/](https://ridero.ru/books/koncepcii_deyatelnosti_v_sociologii_k_marksa_i_m_vebera/)

---

¹ См.: Бухаров А. С. Концепции деятельности в социологии К. Маркса и М. Вебера. М.: Канон +, 2002

Введение

Существуют разные представления о предназначении общественной науки, ее предмете, методе, природе получаемого ею знания. В русле и борьбе этих представлений исторически возникли и размежевались отдельные направления общественно-теоретической мысли, по разным основаниям и в разной степени сложившиеся традиции понимания и объяснения феномена «социального». В их рамках и под их влиянием сформировался ряд научных дисциплин, которые с различных точек зрения и собственными методами изучают явления и процессы единой для них социокультурной реальности. Вместе с тем, попытки исследования этого феномена в целом, самой постановки порождаемых им фундаментальных теоретических проблем, нередко встречаются, как в рамках собственно этих дисциплин, так и в «междисциплинарном пространстве», немалое интеллектуальное сопротивление. Эта особенность сложившейся в общественной науке ситуации обнаруживает себя в игнорировании общетеоретической проблематики, распространенном скептицизме относительно ее научной актуальности и продуктивности, сомнении в самой возможности ее адекватного формулирования. В основе подобной позиции, как правило, лежит оценка существующего состояния общей теории социальной реальности как «архаичной метафизики», отвлеченно-философской эссеистики, заведомо спекулятивного и ненаучного подхода. В других случаях, напротив, ее рассматривают в качестве наследия рудиментарного квази-научного идеологического схематизма, давно и безвозвратно преодоленного этапа нормативистской канонизации всеобъемлющих теоретических моделей. Наконец сама тематика и анализ содержания текущих социологических публикаций обнаруживают подспудную убежденность большинства их авторов в обреченности усилий, направленных в обозримом будущем на достижение каких-либо существенных результатов в области разработки общей социальной теории.

Между тем, как правило, никто не оспаривает очевидное: решение научных задач в области изучения общественной жизни и ее устройства, понимание и объяснение того, как возникают и каким образом изменяются *определенные* формы социальной организации, в конечном счете предполагают ответ на вопрос о природе собственно феномена совместной жизни людей и ее устройства *как таковых*. Этого требуют не только общие принципы и условия построения теоретического знания. Эта, далеко выходящая за рамки гносеологии проблема в свою очередь неразрывно связана с более общей и «конечной» экзистенциальной, духовной и интеллектуальной проблемой всех приходящих в мир поколений людей, обнаруживая себя в их саморефлексии, неизбывной «воле к истине», самоопределению и постижения самой природы явления «человек». Ощущение жизненной необходимости понимания и объяснения оснований и следствий, порядка и процесса *совокупной связи людей*, чем, собственно, и является феномен «социального», совместно изучаемый всеми отраслями общественной науки, вытекает не только из потребности человека обустроить свою жизнь, усовершенствовать ее коллективную организацию, избежать страдания, ведущих к нему и порождаемых им конфликтов. Оно возникает и, в конечном счете, из его непреходящего стремления обнаружить границы и обрести смысл собственного существования и раскрывающего их движения человеческой истории и культуры.

В духовном и интеллектуальном контексте различных по своим истокам онтологических воззрений и эпистемологических ориентаций возник ряд течений социально-теоретической мысли, в рамках которых предпринимаются попытки формулирования и решения этих основополагающих проблем гуманитарного знания и научного исследования мира человека, его прошлого, настоящего и будущего. В совокупности они могут быть содержательно выделены

и квалифицированы не только в качестве особых концептуальных позиций или тенденций, периодически возникающих в рамках тех или иных школ социальной философии, исторической науки или общей социологии. Скорее, они представляют собой единое в своей основе онтологическое направление социальной науки, специфика которого заключается в имманентном его методу «онтологическом масштабе» теоретического исследования социокультурной реальности и ее процессов.

Отправным пунктом каждого из сложившихся в этих рамках и в различной степени консолидированных течений теоретической мысли являются некие исходные представления о человеке и его мире. Эти представления и их различия легли в основу существующих концепций феномена «социального», его природы, строения, способов существования, изменения и связи образующих его и образуемых им явлений. Утвердившаяся в науке парадигма социального исследования в наиболее общем виде определяет его искомый результат как знание, выявляющее эмпирически верифицируемые регулярные зависимости совместного человеческого существования и его упорядочения. В этом контексте задачей социальной *теории* оказывается выяснение неочевидных оснований этих зависимостей, мер, порядка и процесса их взаимосвязи. Усилия, направленные на решение этих и сопутствующих им проблем, дали целый ряд ценных наблюдений, теоретически продуктивных результатов и, более того, оказали глубокое воздействие на историю и образ жизни людей. Тем не менее, и сегодня, несмотря на все бесспорные обретения пройденного интеллектуального пути, основные вопросы, вновь и вновь возникающие в рамках этой общей задачи, все еще ждут своего научного решения.

Целью настоящей публикации является посильное содействие уяснению и конструктивному решению, прежде всего, тех из них, которые в наибольшей степени связаны с ключевой проблемой теоретического социального знания, состоящей, в конечном счете, в *кризисе метода построения общей социальной теории*. Основу предлагаемого подхода составляет уточнение и развитие ряда представлений о феномене и процессе человеческой деятельности, содержащихся в классической историко-социологической традиции конца XIX – начала XX вв.

Глава 1

Теоретическая проблематика социального знания

Очевидно, что истоки большей части концептуальных затруднений, свойственных движению общественно-теоретической мысли, следует искать, прежде всего, в самой природе и исключительном своеобразии объекта социального исследования. Вместе с тем, не менее существенным препятствием в их преодолении оказываются, как нередко бывает в науке, уже полученные ею результаты и, особенно, их утвердившиеся интерпретации, специфика самого процесса образования социального знания. Несовместимость его отдельных ракурсов и фрагментов, разрозненность их масштабов, логики и языка исторически были и остаются узловой проблемой общей социальной теории, призванной непротиворечиво выразить многоликую определенность мира человека и обнаружить ее законосообразную связь с его самосознанием, совместной деятельностью людей и их жизнеустройством.

Дихотомия изначальных и, в целом, принимаемых всеми основными течениями теоретической мысли онтологических определений феномена «социального» – человека и его мира в их связи – исторически образовало дихотомию наиболее устойчивых и преобладающих в ней представлений об основаниях и пределах социокультурной реальности, их взаимодействии и движении. В центре этих представлений неизменно оказывается человек, его свойства и влечения, его идеи, действия и поведение в их связи с поведением, действиями и идеями других людей в контексте разделяемых и совместно творимых ими общественных установлений, материальной и нематериальной культуры. Однако столь же неизменно теоретическое сознание, исследующее эту связь, воспроизводит и традиционную дихотомию ее объяснений, служащую основанием большей части внутренней проблематики и источником едва ли не перманентного кризиса социальной теории.

В рамках первого из основных исторически сложившихся концептуальных толкований социальных явлений общественный человек рассматривается преимущественно в качестве объекта и продукта, в конечном счете, определяющей его внешней реальности. Второй подход, напротив, рассматривает реальность мира человека, историю, общество и культуру в качестве, прежде всего, осуществления и продукта воли и разума, страстей и жизненных потребностей, интересов и заблуждений, не сознаваемых и рационализируемых устремлений, согласованных действий людей и их конфликтов. В этом случае определенность окружающего человека мира предстает лишь в качестве некоего повода и антуража непосредственных человеческих взаимодействий и взаимных индивидуальных ориентаций.

Разновидности этих исходных теоретических представлений возникали и продолжают возникать по мере выявления различий во взглядах на то, что именно и каким образом в самом человеке и его мире обнаруживает и преобразует феномен «социального». В зависимости от ответа на первый вопрос выделялись основания «существенного» в явлениях и движении реальности мира человека, что, тем самым, вело к ее соответствующему мысленному разграничению, субординации или игнорированию всего полагавшегося «несущественным». В свою очередь в рамках второй части проблемы выделенные абстракции начинали восприниматься в качестве относительно адекватного выражения взаимно опосредующих и в разной мере друг друга определяющих структурных компонентов социальной реальности и процесса ее поступательного, циклического, или циклично-поступательного метаморфоза, генезиса, эволюции и распада. Как следствие мысленно абстрагированная модель «социального» рассматривалась как та

или иная совокупная и наделенная определенным набором свойств форма соединения и совместного движения ее инфра- и суперструктуры. В свою очередь этот процесс мог представлять и в виде последовательной трансформации структуры исходного состояния их связи в некое иное, самоподрождающее, модифицированное и производное качество.

В зависимости от того, какая из сторон универсальной дихотомии определений «социального» признавалась, прямо или имплицитно, изначально или в конечном счете «решающей», определяющей, активной, ее противоположность оказывалась в функции эффекта, непрерывно возникающего или материализованного результата, опосредования, либо одной из форм проявления общественного кризиса, порождаемого и разрешаемого законосообразным метаморфозом «существенной» или «первичной» стороны. Структура именно этого метаморфоза и обнаруживающего его комплекса отношений собственно и оказывалась генетической структурой социокультурного процесса, становящейся, в свою очередь, предметом историко-культурологического исследования, источником последующих идейных синтезов и политически влиятельных идеологических доктрин.

Дихотомически расчлененный мир человека оказывался бесконечно многообразным в обнаружении, градациях и неуловимой иерархии своей качественной – и всегда, в конечном счете, полярной определенности: строения и изменения, структуры и действия, идеального и материального, природного и антропогенного, мирского и религиозного, традиционного и современного, общинного и общественного, элитарного и массового, иррационального и рационального, экономического и политического, этнокультурного и классового, локального и глобального, интересов и ценностей, свободы и власти, и т. д., и т. п. В том случае, когда одна из сторон дихотомической картины социального мира характеризовалась как «небытие», теория пыталась обнаружить основания, условия и способ осуществления «бытия» феномена «социального». Если исходное состояние совместной жизнедеятельности людей определялось как «хаос», то теоретическое сознание искало причины и пути его исторического преобразования в «космос» человеческих отношений и его рационализации, пытаясь решить проблему того, «как возможно общество». Если же, напротив, предполагалось изначально существование некоего миропорядка и его определяющей роли в делах человеческих, косвенным свидетельством чего становились, в том числе, целесообразность разумных действий и эмпирического поведения людей, то предметом и проблемой общественно-теоретического сознания оказывались не менее очевидные стихийность и, в конечном счете, иррациональность устройства наполненного страданием мира человека. Осмысление этой проблематики не могло быть теоретически удовлетворительным, оставаясь лишь в пределах выяснения конкретных причин и исторических условий периодических нарушений предустановленной или естественно сложившейся относительной гармонии общественного жизнеустройства. В центре предполагающих его размышлений, в конечном счете, всегда оказывалась неизменная и, в этом контексте, парадоксальная связь регулярных социальных потрясений, с одной стороны, и сообразной замыслу Творца или природы, наделивших человека волей и разумом, очевидно целерациональной организацией совместной жизнедеятельности людей, с другой. Изначально исполненное дуализма теоретическое исследование дихотомического строения и движения феномена «социального» вновь и вновь оказывалось перед необходимостью интеллектуального разрешения ключевых проблем социальной организации и ее объяснения: почему и каким образом осмысленные и целесообразные совместные действия людей с неумолимостью не знающего исключений естественного закона ведут к результатам, в конечном счете, неизменно противоположным их намерениям? Чем и как объяснить то, что безбрежная стихия отношений мира человека, поглощая и неуклонно обесмысливая эти действия, обнаруживает очертания неко-

его имманентного ей порядка? Каковы место и роль самого человека в этом порядке и процессе его изменения? Что есть человек в контексте его мира, какова их связь и как она постижима?

Основатели и приверженцы противоборствующих течений социальной теории искали объяснения генезиса, строения и изменения социокультурной реальности преимущественно либо в аналогиях с современными им естественнонаучными представлениями, в том числе, или исключительно, в опыте исследования биологии человека и его психики, либо в результатах философского и историко-культурологического анализа тех или иных образований, выделяемых в области социального. В разное время, в разной мере и в различных сочетаниях предметом этого анализа становились структуры магического, мифологического и религиозного сознания, поло-возрастных различий и порядка их связи, логики и средств социальной коммуникации, художественного творчества, экономического обмена и культурных заимствований, техники и технологии, институтов власти, способов совместного производства материальных благ, а также бесконечного ряда иных явлений и процессов – от исторических форм общественного восприятия безумия до собственно самой науки, ее специфических определений и производимых ею абстракций. Однако длительные и, казалось бы, исчерпывающие усилия, призванные посредством последовательного или избирательного выявления каузальных связей, диалектически, трансцендентально или системно, с позиций социологического реализма и номинализма, исторического монизма, плюрализма, релятивизма, или неким методологически иным образом преодолеть затруднения теоретического сознания, обнаруживаемые и, в немалой степени, порождаемые его собственной, в конечном счете, всегда распадающейся структурой, так и не позволили выйти за пределы преследующих социальную науку внутренних идейных противостояний. Ни сложившиеся в ее рамках учения, со временем ставшие классическими, ни их многообразные вариации пока, и несмотря на обильную и содержательную взаимную критику, оказались не в состоянии предложить непротиворечивую и эмпирически верифицируемую общую теорию исследуемого ими и единого для них мира социальных явлений, его исторических кризисов и культурно-релевантных связей.

Еще менее рассчитаны на это заведомо конвенциональные решения в виде разного рода теорий «среднего диапазона» – в этом своем качестве отличных от содержания и предназначения рабочих теоретических моделей и гипотез, а в известном смысле и альтернативных им. Часть из теорий подобного типа, позволяя достичь определенных прагматических целей, одновременно предполагает существование иных, более широких и их определяющих уровней теоретического знания, практическим приближением к которым становятся, как предполагается, их собственные промежуточные результаты. Однако по самым разным основаниям возможность или необходимость обнаружения иных теоретических горизонтов «выводится за скобки» или относится к неизменно откладываемому будущему – как, соответственно, и подтверждение теоретической ценности предлагаемого подхода. Для других разновидностей школы «условного теоретизирования» фундаментальная проблематика исследуемой ими реальности оказывается так или иначе решенной изначально – посредством ссылки на небесспорные, но относительно завершенные и влиятельные философско-теоретические толкования исторической действительности, либо в силу простой убежденности в ее, этой проблематике, сугубо умозрительной природе или принципиальной неразрешимости. Противоположной разновидностью «отложенных» теоретических решений является исходное определение мира человека в качестве некоей тотальности, представляемой в виде совокупного «социокультурного процесса», всеобъемлющего «движения общественно-исторической практики», универсально взаимозависимых и релевантных «систем практик», и целого ряда подобных им и, в конечном счете, самопорождающих процессов или тождественных самим себе явлений. Критики подобного подхода обнаруживают в нем немало существенных методологических изъянов, истоки

которых относятся к идейному наследию эпохи «великих теорий». В условиях отсутствия пока не обнаруженных в реальности, общезначимых и соразмерных ей оснований теоретико-социологического *анализа*, как следствие – неизбежного замещения рассматриваемого объекта той или иной его редуцирующей *абстракцией*, эта исследовательская стратегия открывает простор для произвольного препарирования и самой «совокупной практики» и ее контекста. Последний, чаще всего, выступает в форме непосредственно различимых примет и характерных конфликтов определенной, также интуитивно, либо по неким селективным признакам выделяемой стадии или исторической конфигурации «современности». Как следствие построение теоретической модели связи и движения мира социальных явлений не выходит за рамки сообщения исходно принимаемой абстракции того или иного набора столь же произвольно «возвращаемых» ей атрибутов, или интеллектуального конструирования в замкнутых границах логического «круга в обосновании». Развиваемые с противоположных позиций, но в едином русле методологии и добрых намерений теоретизирования «среднего уровня», эти и подобные им подходы *практически* до сих пор играли двусмысленную роль в движении теоретического социального знания, одновременно в некотором смысле стимулируя и сдерживая его. Предпринимаемые в их рамках усилия, как и, своего рода, воздержание от них, в целом пока не приводят ни к преодолению кажущегося неистребимым и принимающего множество обличий социологического раскола, ни к большей результативности общей социальной теории. В немалой степени этот итог оказывается логическим следствием изначально постулируемого, вынужденного, временного или принципиального отказа от ориентации на поиск *системно-генетических* оснований единой для всех ответвлений общественной науки реальности. Естественным продуктом, а порой и условием теоретической «умеренности» оказывается широко распространенное замещение проблематики теоретического исследования социальных явлений внутренней *тематикой* изучающих их дисциплин и возникающих в их рамках отдельных направлений и исследовательских школ. Нередко эта специфическая тематика и перманентно обсуждаемые в ее рамках затруднения утверждаются в качестве собственно основополагающей проблематики социального знания.

На этой почве в последние десятилетия возник и получил заметное развитие своего рода «примирияющий» взгляд на перспективы и пути построения социальной теории, предполагающий возможность сближения и идейного синтеза разногласия теоретических представлений и методологических позиций. Специфика сложившейся в его рамках слабо интегрированной совокупности идей заключается, прежде всего, в выработке общих рекомендаций по «реально осуществимому» или достаточному, разумно-адекватному или все же еще предстоящему преодолению затяжного кризиса социально-теоретической мысли. Общей основой социологического консенсуса предлагается считать более широкий взгляд на предмет и метод социального теоретического исследования, в том числе исключая наличие каких-либо инвариантных свойств и их обнаруживающих законов социальной реальности в силу отличающего ее родового качества – способности человека к саморефлексии и ее инструментализации. Как следствие предполагается, что бесконечная пластичность структуры социальных связей, вытекающая из способности людей осознанно модифицировать постигаемые ими условия собственного существования, делает поиски непреходящих оснований и способов теоретического выражения последних заведомо бессмысленным занятием, в силу чего социальное теоретизирование должно быть ограничено пределами самых общих и периодически обновляемых эпистемологических ориентиров. Одной из разновидностей, а также, одновременно, своего рода и предпосылкой, и следствием этого подхода являются попытки не только раздвижения диапазона возможных языков и средств научного объяснения, но и выработки нового взгляда на критерии научности в области социального знания, в том числе опирающиеся на констатацию усложнения или «смягчения» этих критериев в дисциплинах естественного цикла. Эта тенденция

теоретической социологии, обнаруживая стремление к уточнению онтологических представлений о «социальном», пока не осуществляет попыток их социологической конкретизации или нового формулирования общей теории социокультурных процессов.

Подобное понимание задач и проблем, условий и смысла существования социальной науки разделяется далеко не всеми. Как, впрочем, и бремя разрешения постоянно возникающих в ней методологических затруднений.

Нередко декларируемые, в этом и иных контекстах, возможность или, по меньшей мере, индивидуальная способность обходиться при анализе различных измерений «социального» без общей теории и эксплицитного установления ее оснований остается не более чем свидетельством фактического замещения ясно формулируемых исходных постулатов и исследовательских процедур их тем или иным формообразующим суррогатом. Диапазон построений подобного рода может простираться от стилистически виртуозной литературной экспрессии эмерджентных очертаний и экзистенциальной муки непосредственно переживаемого и неповторимого индивидуального опыта вплоть до соображений не выходящих за рамки обыденного, профессионального или официального здравого смысла. Однако наиболее распространенным способом построения социологически «полезных» обобщающих объяснений, или интуитивно-значимых смысловых ориентаций – когда они не сводятся к констатации очевидных регулярностей или семантическому импрессионизму – остается отнесение оснований изучаемого феномена к его контексту, либо корреляция переменных исследуемой зависимости. При этом второе оказывается преимущественно вариацией первого, а его отличие заключается в акценте на порядке и процессе связи этих, содержащихся в контексте, видоизменяющихся оснований и их атрибутов, по разным признакам выделяемых в рамках наблюдаемой зависимости или в соотносимых с нею областях наблюдаемой реальности. Отличие обобщений, содержащихся в трудах сторонников «свободы от метафизики» и трезвого теоретического самоограничения, от подхода их оппонентов и исторических предшественников заключается, чаще всего, в одном – в свойственном работам первых из них *имплицитном* характере онтологического масштаба теоретизирования. De facto этот масштаб неизменно полагается самим предполагаемым «контекстом», избранными специфическими основаниями, средствами и мерой его конкретизации. Интеллектуальная сдержанность, нежелание ввязываться в бесплодное обсуждение «умозрительных» проблем чаще всего не служат препятствием для порой едва видоизмененного воспроизводства собственно самой отвергаемой и всегда онтологически определенной общей концептуальной логики со всеми внутренне присущими тому или иному из ее вариантов постулатами и тупиками. Одним из следствий этого оказывается репродукция едва ли не полного набора соответствующих тематических и методических частных, во многом возникших еще в контексте проблематики становления и дифференциации социальной науки и периодически, и пока безуспешно, «преодолеваемых» ее кризисами. До сих пор попытки теоретических инноваций в целях и на почве переосмысления социально-исторического опыта и «выхода за пределы» его классических концепций без всестороннего критического анализа последних в целом оборачивались лишь воспроизводством порождающей их внутренне противоречивой идейной основы, а вместе с тем и производимых ею интеллектуальных продуктов. Тиражирование их узнаваемых контуров в периодически обновляемой терминологической оболочке видоизмененных определений «современности», ее социальных коллизий, латентных и формализованных структур, обнаружений и интуиций, в определенном смысле поддерживая интерес к теоретическому поиску, одновременно оказывается свидетельством достигнутой степени его результативности. Большинство исследователей, оценивающих состояние общей социальной теории, приходят к выводу об очевидном кризисе этой области научного знания.

Проявлением своего рода интеллектуальной «усталости» и неверия в теоретическую продуктивность уже давно не обновлявшегося набора мирно сосуществующих парадигм общественной науки и сложившегося в ее рамках разделения труда становятся периодически повторяющиеся попытки бросить вызов доминирующим представлениям об «идеальном типе» научного объяснения социокультурной реальности и методов ее исследования. Однако, парадоксальным образом и, очевидно, не случайно, эти попытки вновь и вновь стихийно образуют серию очередных *дихотомических* вариаций ее теоретического толкования. В своих крайних деструктивных воплощениях они представляют собой все новые разновидности неустанно развиваемой идеи невозможности построения общей социальной теории в силу заведомой ущербности, локальности или ангажированности социального знания как такового, уникальной природы и специфической структуры принципиально несводимых к единым основаниям исходных позиций, ресурсов, способов и целей его производства и коммуникации. Однако основной спектр обновленных общесоциологических представлений обнаруживает себя, возникая в предельно интуитивных или сугубо эстетических интерпретациях «жизненных», нежизнеспособных и откровенно безжизненных, распадающихся миров социологического пост-модерна, с одной стороны, и завершаясь в нео-технологических определениях и гипостазируемых идеально-типических конструкциях теоретического сознания, исследующего становящееся (или вновь обнаруживаемое) «глобальное общество», с другой. Удивительным образом сам очевидный факт регулярного воспроизводства общей конфигурации социальной теории, обнаружения некоей устойчивой логики возникновения ее различий, возможности ее, этой логики, связи с исследуемой реальностью, ее строением и движением, иными словами собственно общесоциологическая проблематика, охватывающая самые основания социального знания, оказывается в лучшем случае на периферии интересов социологического авангарда.

Характерным для широкого круга утвердившихся в общественной мысли тенденций, обнаруживающих попытки построения новой социальной теории, является стремление обосновать ее необходимость не столько итогами критической саморефлексии последних десятилетий, сколько, и в первую очередь, возникновением «новой реальности», не существовавшей для прежней социальной науки. Как следствие, до сих пор преобладающие в ней теоретические представления предлагается рассматривать в качестве исчерпавшего себя идейного антиквариата, некогда сыгравшего свою роль, но большей частью малопригодного в деле нового осмысления «современности». Этот подход таит в себе немало парадоксов. Одним из них оказывается подспудно выражаемое восприятие некоей части результатов «прежней» социальной науки в качестве заслуживающих доверия – оценка, влекущая, в свою очередь, признание и определенной меры адекватности историко-социологической теории классического периода ее предмету, «эпохе модерна», и, как следствие, относительной продуктивности ее методов. Однако одновременно производится своего рода волевое упразднение дальнейшего исследования проблематики и методологии социальной теории, в том числе их истории, только, между тем, и дающего возможность выяснения как глубинных истоков ее постоянно воспроизводящегося кризиса, так и вероятных путей выхода из него.

Вместе с тем, все еще заметным, хотя едва ли преобладающим в общественной науке остается движение к созданию общей, и общезначимой, теории социокультурных процессов на основе глубокого критического переосмысления теоретического наследия и с учетом его результатов. Основным в рамках этого подхода является стремление к выявлению фундаментальных оснований социальной реальности и их связи, обнаруживаемых в исторических формах совместной жизни людей и их культуре, законосообразном порядке их возникновения и изменения. Впрочем, столь же характерным для этой школы мысли остается и то, что, в целом, предпринимаемые ею усилия пока носят своего рода «экстенсивный» характер, про-

являют себя в формах и рамках достаточно «обжитых» концептуальных схем и в русле достаточно традиционной теоретико-социологической полемики. Между тем в контурах именно этого, казалось бы, вполне и исчерпывающе освоенного теоретического ландшафта, в определенном смысле только и позволяющего говорить о существовании единой социальной науки, содержится ряд до сих пор не замеченных или существенно недооцененных идей, способных действительно стать теоретически продуктивным началом, объединяющим совокупную проблематику и методологию социального знания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.